

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

CRIMINAL LAW MEASURES OF CRIME COUNTERACTION

УДК 343.85

DOI 10.17150/2500-4255.2017.11(3).520-530

РЕГУЛЯТИВНАЯ ФУНКЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРА И ВЗАИМОСВЯЗЬ С ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕМ ПРЕСТУПНОСТИ

Д.А. Липинский¹, К.Н. Евдокимов²

¹ Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти, Российская Федерация

² Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

7 февраля 2017 г.

Дата принятия в печать

25 июня 2017 г.

Дата онлайн-размещения

29 сентября 2017 г.

Ключевые слова

Уголовная ответственность; функции уголовной ответственности; превентивная функция; регулятивная функция; преступление; уголовно-правомерное поведение

Финансирование

Издается при поддержке РГНФ, проект № 16-33-00017 «Комплексный, межотраслевой институт юридической ответственности: понятие, структура, взаимосвязи и место в системе права»

Аннотация. В статье обосновывается наличие у уголовной ответственности регулятивной функции. При этом авторы исходят из широкого понимания уголовной ответственности, включающей как позитивный, так и негативный аспект ее реализации. Авторы видят превенцию преступлений не в угрозе наказанием, а прежде всего в четкой регламентации прав и обязанностей субъектов уголовно-правовых отношений. Одновременно исследуется связь регулятивной и превентивной функций уголовной ответственности и обосновывается неоднозначность данных правовых явлений. Авторы приходят к выводу, что регулятивная функция уголовной ответственности, с одной стороны, закрепляет за гражданами обязанности по соблюдению предписаний уголовно-правовых норм, а также права и обязанности государства содействовать и обеспечивать уголовно-правомерное поведение, а с другой стороны, в случае если лицо совершило преступление, предусматривает возможность применения к последнему мер уголовно-правового воздействия. Изучение регулятивных свойств уголовной ответственности позволяет сделать вывод, что она не регламентирует общественные отношения конституционного строя, собственности, экономической деятельности и т.д., но при этом обеспечивает их динамику и нормальное функционирование. Авторами обосновывается многообразие способов регулирующего воздействия уголовной ответственности, которые не сводятся к угрозе наказанием и формулированию запретов. Регулятивная функция уголовной ответственности реализуется и при помощи поощрительных норм, стимулирующих позитивное посткриминальное поведение субъекта, а также посредством предоставления гражданам субъективных прав на необходимую оборону, крайнюю необходимость, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, обоснованный риск. В статье определяются особенности как регулятивно-статического, так и регулятивно-динамического воздействия уголовной ответственности. Делается вывод о наличии единого регулятивно-охранительного процесса, который вытекает из общих свойств права — выступать властным регулятором общественных отношений.

THE REGULATORY FUNCTION OF CRIMINAL LIABILITY: ITS CONCEPT, STRUCTURE AND INTERRELATION WITH CRIME PREVENTION

Dmitry A. Lipinsky¹, Konstantin N. Evdokimov²

¹ Togliatti State University, Togliatti, the Russian Federation

² Irkutsk Law Institute (Branch) of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received

2017 February 7

Accepted

2017 June 25

Available online

2017 September 29

Abstract. The authors prove that criminal liability has a regulatory function. They use a wide definition of criminal liability that includes both positive and negative aspects of its enforcement. They also believe that a clear regulation of rights and liabilities for the subjects of criminal law relationships, rather than a threat of punishment, is the basis of crime prevention. At the same time, the authors research the connection between the regulatory and the preventative functions of criminal liability and prove that these legal phenomena are ambiguous. They conclude that, on the one hand, the regulatory function of criminal liability establishes the responsibility of the citizens to observe criminal

© Д.А. Липинский, К.Н. Евдокимов, 2017

Keywords

Criminal liability; functions of criminal liability; preventive function; regulatory function; crime; lawful conduct

Acknowledgements

The article was supported by the Russian Fundamental Research Fund, Project № 16-33-00017 «Comprehensive Interdisciplinary Institute of Legal Responsibility: its Concept, Structure, Relationships and Place in the System of Law»

law norms as well as the rights and obligations of the state to facilitate and ensure lawful conduct, while on the other hand — if a person commits a crime — it establishes the possibility to use criminal law measures against this person. The research of regulatory properties of criminal liability allows the authors to conclude that it does not regulate public relations of the constitutional system, property, economic activities, etc, but, at the same time, ensures their dynamics and normal functioning. They show the diversity of methods of criminal liability's regulatory impact that cannot be reduced to the threat of violence and the formulation of prohibitions. The regulatory function of criminal liability is also enforced through incentive norms stimulating positive post-criminal behavior and by granting citizens subjective rights to necessary defense, extreme necessity, inflicting harm while detaining a person who committed a crime, justifiable risk. The paper describes the specific characteristics of both regulatory static and regulatory dynamic impact of criminal liability. The authors conclude that there exists a single regulatory-protective process that can be derived from the general properties of law — to act as the authoritative regulator of public relations.

В самом начале статьи отметим, что мы придерживаемся позиции об осуществлении как юридической ответственностью в целом, так и уголовной ответственностью в частности регулятивной, превентивной, карательной, восстановительной и воспитательной функций.

Институт уголовной ответственности входит в сложную межотраслевую систему юридической ответственности, которая направлена на урегулирование общественных отношений и предупреждение различных правонарушений. Среди ряда ученых-криминалистов существует мнение, что уголовная ответственность реализует только карательную, превентивную и восстановительную функции (причем наличие последней вызывает споры в юридической литературе). Таким образом, из числа функций, которые осуществляет уголовная ответственность, исключается регулятивная функция.

Ученые, отрицающие наличие у уголовной ответственности регулятивной функции, свою позицию обосновывают тем, что уголовное право не регулирует общественные отношения, а только охраняет их [1; 2, с. 12; 3, с. 26; 4, с. 184; 5, с. 12; 6, с. 89]. При этом отмечается, что уголовное право характеризует императивный метод правового регулирования, способом осуществления которого выступает запрет. Такая позиция представителей науки уголовного права основана на концепции «разделения труда» среди отраслей права, согласно которой одни отрасли права регулируют, а другие — охраняют общественные отношения. Так, ряд ученых, и в частности О.Э. Лейст, утверждают, что «в отличие от других отраслей права уголовное не имеет в качестве объекта регулирования своего специфического вида общественных отношений, т.к. его нормы предназначены не регулировать об-

щественные отношения, а охранять и защищать их» [3, с. 26; 7, с. 7; 8, с. 36–41; 9; 10, с. 196].

Исключение из числа функций уголовной ответственности регулятивной сужает основное предназначение права, а также фактически исключает его инструментальную ценность — выступать властным регулятором общественных отношений. По нашему мнению, в таких суждениях есть существенное противоречие. Получается, что все право в целом упорядочивает (регулирует) общественные отношения, а уголовное право исключается из системы социального регулирования.

Вся система права, а также ее отдельные отрасли и институты направлены на регулирование общественных отношений. «В этом смысле право выступает и механизмом контроля, и механизмом согласования интересов, и механизмом корректировки заданной цели» [11, с. 74]. Уголовная ответственность в ее позитивном и негативном проявлении — это средство правового регулирования как до совершения преступления, так и после его совершения.

Ученые, считающие, что уголовная ответственность осуществляет регулятивную функцию, расходятся во мнениях о том, на какие отношения она направлена. С точки зрения первой группы ученых, регулятивная функция уголовной ответственности направлена на отношения, в которых реализуется правомерное поведение субъектов. Такие отношения не связаны с совершением преступления, а в результате воздействия регулятивной функции они упорядочиваются и преобразуются в общерегулятивные правоотношения [12, с. 7; 13, с. 133; 14, с. 187]. Другая группа ученых полагает, что регулятивному воздействию поддаются только отношения, возникающие в связи с совершением преступле-

ния, в результате чего образуются правоотношения уголовной ответственности [11, с. 74; 15, с. 19; 16, с. 27; 17; 18, с. 73; 19, с. 40; 20, с. 11].

По нашему мнению, регулятивная функция уголовной ответственности распространяет свое действие как на первую, так и на вторую группу отношений, что связано с различными аспектами реализации уголовной ответственности. Причем действие регулятивной функции многогранно. Она воздействует на различных субъектов и на разные стороны общественных отношений. Во-первых, с ее помощью закрепляются обязанности субъектов по соблюдению и исполнению предписаний, сформулированных в уголовно-правовых нормах. Во-вторых, она упорядочивает обязанности государства по обеспечению правомерного поведения субъектов и содействию такому поведению, а в случае совершения преступления — и права с обязанностями уполномоченных органов по применению мер уголовно-правового воздействия.

В норме уголовного права закреплены основания уголовной ответственности, и уполномоченный орган наделен правом реализовывать меры уголовно-правового воздействия только в случае наличия данных оснований. При отсутствии оснований наступления уголовной ответственности уполномоченный орган обязан не возбуждать уголовное дело и обеспечивать уголовно-правомерное поведение субъекта, соответственно, при наличии оснований он обязан возбудить уголовное дело. Оценка нормы уголовного права уполномоченным субъектом основывается не на отдельном ее структурном элементе (санкции), а на всех трех элементах нормы уголовного права. Из чего следует вывод, что его деятельность урегулирована не санкцией нормы права, а нормой уголовного права в совокупности всех ее элементов. Нет санкции в отрыве от гипотезы и диспозиции, в противном случае становится неясным, когда ее применять, а когда нет. Таким образом, деятельность правоприменителя закрепляется и упорядочивается при помощи регулятивной функции уголовной ответственности. Она (регулятивная функция) программирует его деятельность и оказывает регулирующее воздействие не только на обычных граждан, но и на лиц, наделенных властными полномочиями по применению мер уголовно-правового воздействия.

Продолжим дальше рассматривать доводы ученых, которые отрицают наличие регулятивных свойств у уголовной ответственности.

Так, ими отмечается, что общие обязанности и запреты, указывающие на необходимость воздерживаться от совершения правонарушений, содержатся в Конституции РФ, а уголовно-правомерное поведение есть результат реализации норм конституционного права [3, с. 22–23; 4, с. 184]. В таких доводах отчетливо видны положения теории «разделения труда» между различными отраслями права. Между тем Н.В. Витрук справедливо отметил, что «отраслевые права и обязанности дополняют систему конституционных прав и обязанностей граждан» [21, с. 81], а поведение субъекта юридической ответственности регулируется нормами различных отраслей права. Уголовно-правовые запреты и обязанности входят в общую систему правового регулирования, им свойственны системные признаки [22, с. 74–75], поэтому поведение субъекта уголовной ответственности находится под воздействием не одного запрета или обязанности, а их системы. «Конституционные нормы устанавливают как бы социальную сущность запретов, их правовые пределы, а институт уголовной ответственности гарантирует их реализацию путем конкретизации составов преступлений» [23, с. 3; 24, с. 29; 25, с. 110]. При этом ввиду особых свойств конституционного права общие конституционные обязанности и запреты являются основой для закрепления отраслевых запретов, в том числе и уголовно-правовых.

Г.П. Новоселов, обосновывая положение об отсутствии регулятивной функции уголовной ответственности, полагает, что «преступление есть всегда нарушение некоего рода социальной нормы», отмечая наличие уголовно-правовых запретов не в Уголовном кодексе, а в иных отраслях права [13, с. 186, 170–171]. Доводы Г.П. Новоселова позволяют сделать вывод, что основания уголовной ответственности закреплены не в Уголовном кодексе РФ, а в иных отраслях права, что прямо противоречит ряду основополагающих начал уголовной ответственности. Получается, что фактическим основанием уголовной ответственности является не факт преступления, а нарушение норм административного, гражданского, конституционного или иных отраслей права. Позиция Г.П. Новоселова приводит и к другим противоречивым выводам: «Если преступление нарушает норму других отраслей права, тогда добровольный отказ от доведения преступления до конца (ст. 31 УК РФ) не может рассматриваться как обстоятельство, исключающее противоправность деяния, и должен влиять

лишь на меру ответственности... Если при совершении кражи нарушается запрет, содержащийся в ст. 35 Конституции РФ, регламентирующей право собственности, а вещь похищалась из владения лица, не имеющего право собственности на нее, то на вопрос, имеет ли уголовно-правовое значение примирение юридического владельца вещи с похитителем, может быть дан только отрицательный ответ» [22, с. 74].

Г.П. Новоселов отрицает регулирующие свойства нормы уголовного права как до, так и после совершения преступления. Однако его позиция носит противоречивый характер. Так, указав данные тезисы на одной странице своей работы, на другой он утверждает прямо противоположное: «Принимая во внимание, что правовое регулирование отношений между людьми только направлено на охрану определенного рода ценностей, но само по себе ею не является, так же как, в свою очередь, и охрана лишь предполагает регулирование, но как таковая им признаваться не может» [13, с. 192]. Таким образом, Г.П. Новоселов возвращается к известному положению: уголовное право регулирует, а регулируя — охраняет. Ведь им отмечается наличие правового регулирования между людьми, т.е. горизонтальные отношения. Однако и здесь остается неясным, почему указываются именно горизонтальные отношения, а не отношения власти и подчинения, складывающиеся между субъектами уголовной ответственности и уполномоченными органами по вертикали.

С момента вступления в законную силу норма уголовного права начинает оказывать свое воздействие, выступая властным регулятором поведения всех субъектов, подпадающих под ее действие. В норме уголовного права закреплён вариант поведения, который одобряется и гарантируется государством. Напомним, что норма права — это прежде всего *правило поведения*. Не может являться правилом поведения совершение убийства, кражи и т.д. и т.п. Само правило поведения (диспозицию), закреплённое в норме уголовного права, необходимо выводить логическим путем, например: убийство, т.е. умышленное лишение жизни, запрещено. Цель любой нормы уголовной ответственности — не допустить нарушения запрета или обязанности. Указанной цели нельзя достичь, если исключить ее регулятивное воздействие. Наличие в нормах уголовного права запретов не означает, что у них отсутствуют регулирующие свойства. Запрет, воздействуя на волю и сознание

субъекта уголовной ответственности, принуждает его поступать избирательно, иначе говоря, избегать противоправного поведения [18, с. 73; 26, с. 15]. С помощью запретов, дозволений, обязываний регулируется поведение субъектов уголовной ответственности. В научных работах, которые посвящены юридической природе запретов, отмечается наличие у них регулятивно-охранительной функции, так как они содержат определенный объем данных о дозволенном и запрещенном, о пределах полномочий. С их помощью ограничивается разнообразие в поведении субъекта до некоего минимального состояния [27, с. 11–12]. Сущность запрета очень близка к сущности обязанности. Весь вопрос состоит в самой логике его изложения. Запрет того или иного действия означает одновременно и возложение обязанности действовать правомерно, удерживаясь от осуждаемого варианта поведения. «Существо юридической обязанности заключается в требовании необходимого, нужного, должного, полезного, целесообразного с точки зрения государства, власти, закона поведения субъекта. Это поведение обязательно, непрекаемо и на случай «непослушания» обеспечивается мерами государственного принуждения» [28, с. 68].

На субъектов правоотношений уголовной ответственности (как обычных граждан, так и государство в лице уполномоченных органов) в связи с наличием уголовно-правовых запретов возлагаются обязанности, а также у них возникают и корреспондирующие им права, которые в своем взаимодействии характеризуют регулятивное правоотношение уголовной ответственности. Указанное правоотношение образуется в результате воздействия регулятивной функции уголовной ответственности, а его содержание составляет правомерное поведение субъектов, выступающих носителями уголовно-правовых прав и обязанностей.

Позиция ученых, которые считают, что уголовная ответственность осуществляет только охранительную функцию (складывающуюся из карательной и превентивной), не лишена определенных противоречий. Так, нарушение обязанности действовать, т.е. бездействие, признается ими одной из форм преступного поведения, а волевое воздержание от нарушения уголовно-правового запрета — нет. Выходит, что воздержание субъекта от нарушения запрета не формируется в результате действия нормы уголовной ответственности. «Неверно исключать

уголовно-правовые нормы из числа регулятивных, социальное назначение которых — определение правил правомерного поведения людей. Нельзя противопоставлять регулятивную и охранительную функции уголовно-правовых норм» [29, с. 8, 12]. Недопустимо и противопоставление уголовного права иным отраслям права. Регулятивные свойства уголовной ответственности многообразны. «Регулирование и охрана общественных отношений осуществляются при помощи позитивных правил, устанавливающих типовые варианты (стандарты) возможного, должного, недопустимого поведения членов общества» [30, с. 19].

Известно, что Уголовный кодекс РФ закрепляет задачу охраны общественных отношений, но охрана и регулирование взаимосвязаны. Поэтому указанная задача не может быть решена без наличия регулятивной функции уголовной ответственности и уголовно-правового регулирования как такового. Согласно философским представлениям о соотношении целей, задач и функций, задача выступает внешней составляющей по отношению к функциям уголовной ответственности. Вопрос о том, при помощи какой функции будет разрешена данная задача, находится уже в иной плоскости и зависит от особенностей правовых средств, определяющих функционирование уголовной ответственности. Государство для формирования и упорядочивания уголовно-правомерного поведения использует такие средства, как обязанность, запрет, дозволение и поощрение. Недопустимо сужать задачу охраны только до предупреждения правонарушений, кары и регулирования в узком смысле этого понятия (регулирования деятельности субъектов, наделенных властными полномочиями по применению мер уголовно-правового воздействия). Нам могут возразить, указав, что уголовный закон прямо указывает только на задачу охраны. Однако указание на задачу охраны в законе не является истиной в последней инстанции для самой юридической науки. Задача науки — правильно истолковать задачу, определить ее действительное содержание, установить точную волю законодателя. В уголовно-правовых исследованиях отмечается: «...уголовно-правовые нормы имеют своей задачей и регулирование общественных отношений путем предписаний должного поведения граждан в рамках норм запретов» [31, с. 76]. Посредством регулирования одновременно осуществляется и уголовно-правовая охрана.

«Правомерное поведение субъектов уголовно-правовых отношений — это тот желаемый результат, к которому должно стремиться уголовное законодательство, регулируя (охраняя) те или иные общественные отношения, возникшие после вступления закона в силу, и охраняя (регулируя) уголовно-правовые отношения, возникшие после совершения тем или иным лицом преступления» [20, с. 12].

В случае нарушения субъектом нормы уголовного права у него возникает обязанность, обусловленная юридическим фактом совершения преступления, а у уполномоченных органов — право и обязанность подвергнуть преступника осуждению, наказанию и судимости. Следует оговориться, что при наличии оснований для освобождения от уголовной ответственности правоприменитель обязан освободить правонарушителя от уголовной ответственности. В случае отсутствия таких оснований он обязан назначить наказание в пределах, предусмотренных санкцией нормы уголовного права, а также с учетом правил назначения наказания. В некоторых случаях у компетентного органа возникает право, а не обязанность освободить субъекта от уголовной ответственности. Перечень обязанностей можно продолжить.

Таким образом, указанные обязанности с полномочиями регулируют деятельность компетентных органов, а следовательно, и общественные отношения, которые складываются между лицом, совершившим преступление, и правоприменителем. Обязанности компетентных органов являются гарантией функционирования уголовной ответственности в режиме законности. Таким образом, регулирование деятельности правоприменителя решает задачу охраны общественных отношений, в том числе и тех, которые возникают между лицом, совершившим преступление, и компетентными органами.

Нарушение уголовно-правовой нормы выступает основанием для реализации карательной функции уголовной ответственности, в связи с чем возникают вопросы, а не существуют ли противоречия между регулируемыми и охранительными свойствами уголовной ответственности, не исключает ли реализация карательной функции реализацию регулятивной функции. Думается, что здесь действует философский закон единства и борьбы противоположностей. Следует отметить и многоаспектность проявления регулирующих начал уголовной ответственности, согласившись с В.М. Коганом в том, что,

«охраняя, уголовное право регулирует; регулируя — охраняет» [32, с. 144]. Норма права, к какой бы отрасли она ни принадлежала, не может «только регулировать» или «только охранять» [19, с. 40]. В юридической природе норм уголовного права нет таких свойств, которые бы позволяли противопоставлять ее другим правовым нормам. Уголовно-правовая охрана общественных отношений обеспечивается с момента установления обязанностей и запретов, а их надлежащее исполнение (соблюдение) входит в предмет уголовного-правового воздействия, выступая одновременно и гарантией их охраны. И исключительно в случаях нарушения запретов или неисполнения обязанностей возникает потребность в «запуске» охранительного механизма исполнения обязанностей. «Деление на регулятивную и охранительную функции носит условный характер и, строго говоря, необходимо лишь для теоретического анализа функций уголовного-правовой нормы. В реальной действительности уголовное-правовое воздействие норм на общественные отношения представляет собой единый регулятивно-охранительный процесс. Регулируя, нормы уголовного права вместе с тем и охраняют, а охраняя — регулируют» [33, с. 17]. «При осуществлении регулятивной функции опосредуется и реализация охранительной» [34, с. 37–38].

Можно отметить наличие специфических свойств у регулятивной функции уголовной ответственности. В теории государства и права принято утверждать, что регулятивная функция складывается из двух подфункций — регулятивно-статической и регулятивно-динамической. Первая закрепляет общественные отношения, а вторая развивает их динамику. При помощи норм уголовной ответственности не происходит непосредственное закрепление большинства общественных отношений — это удел других отраслей права. Например, отношения собственности закрепляются нормами гражданского, а не уголовного права, отношения по формированию бюджета — нормами финансового права и т.д. Однако сказанное не означает отсутствие у уголовной ответственности регулятивной функции. Особенности регулятивной функции как раз и состоят в развитии динамики указанных выше и иных отношений, которые входят в предмет уголовного-правовой охраны. Уголовная ответственность способствует их нормальному развитию ввиду того, что обеспечить их функционирование при помощи норм только с одной

отраслевой принадлежностью не представляется возможным. Воля и сознание субъекта юридической ответственности находятся под воздействием не одной, а системы норм, зачастую с различной отраслевой принадлежностью.

При помощи регулятивной функции уголовной ответственности происходит определение уголовно-правового статуса субъекта общественных отношений. Оно осуществляется посредством закрепления прав и обязанностей субъекта уголовной ответственности, которым корреспондируют права и обязанности государства, направленные на обеспечение уголовно-правомерного поведения. Следовательно, при помощи регулятивной функции оформляется общее регулятивное правоотношение, связанное с охраной ценностей, значимых для человека, общества и государства [20, с. 9; 35, с. 163].

Выше мы уже отмечали, что уголовной ответственности в меньшей степени свойственно наличие регулятивно-статического воздействия, но это не означает, что оно отсутствует вовсе. При помощи регулятивно-статической подфункции оформляются отношения необходимой обороны [36, с. 32], крайней необходимости, причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление. «Статическая функция уголовного права реализуется посредством норм, закрепляющих право на необходимую оборону, крайнюю необходимость, задержание лица, совершившего преступление, а динамическая — посредством присущих уголовному праву поощрительных норм», — считает Б.В. Яценко [37, с. 55]. Можно согласиться с его мнением, но мы полагаем, что воздействие регулятивно-статической подфункции не исчерпывается указанными отношениями. Так, в науке уже давно признано, что субъект наделяется и уголовно-правовым статусом, и возникает он не в момент совершения преступления, а с момента, когда субъект становится носителем уголовно-правовых обязанностей и запретов. Кроме того, его наличие обусловлено и моментом вступления нормы уголовного права в законную силу, так как с течением времени содержание уголовно-правового статуса субъекта может меняться. Закрепление уголовно-правового статуса субъекта, по нашему мнению, есть одно из проявлений регулятивно-статической подфункции уголовной ответственности.

Отметим, что правам на необходимую оборону и иные уголовно-правомерные действия корреспондируют обязанности, содержащиеся

в Общей и Особенной частях Уголовного кодекса. Так, запрещено превышать пределы необходимой обороны, крайней необходимости и обоснованного риска (ч. 1 ст. 108, ч. 1 ст. 114, ч. 2 ст. 39, ч. 2 ст. 41 УК РФ). Запрещается превышать меры, необходимые для задержания лица, совершившего преступление (ч. 2 ст. 108 УК РФ).

Мы уже говорили о наличии регулятивного воздействия на деятельность правоприменителя, указывая на существование некоторых противоречий. На данную проблему можно посмотреть и с другой стороны. Так, за абстрактной формулировкой «правоприменитель» находится должностное лицо, которое наделено властными полномочиями. Урегулировать его деятельность невозможно, не упорядочив поведение (деятельность) должностных лиц. Анализ глав Уголовного кодекса, посвященных преступлениям против интересов государственной власти, а также преступлениям против правосудия, свидетельствует о том, что деятельность должностных лиц находится под воздействием норм уголовного права. Назовем только некоторые из запретов: запрещено злоупотреблять должностными полномочиями, превышать их; запрещено привлекать к уголовной ответственности невиновного, получать взятку; запрещено без наличия на то законных оснований освобождать от уголовной ответственности; запрещено выносить неправосудный приговор. Запрет, оказывая влияние на волю и сознание субъекта, принуждает его действовать избирательно, упорядочивая поведение должностных лиц, а следовательно, и деятельность правоприменителя.

Регулятивная функция уголовной ответственности не прекращает своего действия и после совершения преступления. Данный вывод следует из анализа норм, стимулирующих правомерное посткриминальное поведение. Нормы, которые предусматривают освобождение от уголовной ответственности, в мягкой форме содержат предписание, следствием выполнения которого может являться освобождение от уголовной ответственности [38, с. 23]. В уголовном праве такие нормы именуются поощрительными, а поощрение — это одновременно и средство стимулирования определенного варианта, но, стимулируя, невозможно не регулировать. Это два взаимосвязанных процесса. В таких нормах формулируется полезный для общества, государства или потерпевшего вариант поведения, который одобряется и поощряется. Например, освободить заложника, сдать пред-

меты, оборот которых ограничен или они запрещены к хранению. «Правовое стимулирование и правовое ограничение, совместно участвуя в упорядочивании общественных отношений, выступают в качестве позитивной и негативной сторон одного процесса — правового регулирования» [39, с. 144].

В ст. 75, 76, 76.1, 76.2 УК РФ сформулированы различные варианты поведения, которые может реализовать субъект в своем посткриминальном поведении. Допустим, примириться с потерпевшим, загладить причиненный вред, возместить ущерб, способствовать раскрытию преступления и т.д. Ряд предписаний конкретизируется в Особенной части УК: освобождение похищенного человека (примечание к ст. 126); освобождение заложника (примечание к ст. 206); предотвращение акта терроризма (примечание к ст. 205) и т.д.

Примечание, сформулированное к той или иной норме уголовного права, является ее неотъемлемой составляющей, и в них сочетаются различные по своей природе правовые средства регулирования. Так, на субъекта, совершившего преступление, воздействует угроза применения наказания в случае, если он не совершит действий, сформулированных в примечании, и одновременно поощрительные меры указывают ему на благоприятные последствия выполнения предписания, изложенного в примечании к статье. Таким образом, угроза применения наказания и возможность применения поощрения участвуют в регулировании поведения субъекта, нарушившего уголовно-правовой запрет. В литературе верно отмечается, что «поощрительные меры, как и меры принуждения, обеспечивают устанавливаемую государством модель правомерного поведения. Особенность поощрительной санкции — в обеспечении тех социальных целей (благ), ради достижения которых такая модель поддерживается юридическими средствами, и особенно тех целей, достижение которых иными способами невозможно» [40, с. 33]. Начало совершения преступления свидетельствует о том, что при помощи одной угрозы наказанием не удалось обеспечить модель поведения, следовательно, необходим дополнительный метод регулирования — поощрительный. Особенность реализации поощрительного метода заключается в том, что он существует уже в рамках охранительных, а не регулятивных правоотношений, что еще раз подтверждает тезис, согласно которому уголовная ответственность, охраняя, регулирует, а регулируя — охраняет.

При помощи регулятивной функции уголовной ответственности происходит упорядочивание поведения субъектов и общественных отношений. В самом общем виде перечень таких отношений дан в ст. 2 УК РФ, и они выступают в качестве родового объекта воздействия регулятивной функции. Непосредственным ее объектом является поведение субъектов уголовной ответственности, а также деятельность правоприменителя.

Регулятивная функция уголовной ответственности реализуется при помощи различных способов, но специалистами в области уголовного права, как правило, один из способов ее реализации представляется как единственный. По нашему мнению, способами реализации данной функции выступают: закрепление уголовно-правового статуса субъекта посредством формулирования прав и обязанностей; определение оснований для применения мер поощрения и других случаев освобождения от уголовной ответственности; закрепление прав и обязанностей правоприменителя. Можно отметить и наличие такого способа, как установление составов уголовно-правомерного поведения.

А.В. Наумов отмечает, что «уголовно-правовой запрет регулирует поведение членов общества, ибо налагает на неопределенный круг лиц обязанность воздержаться от совершения преступления», а «регулирование общественных отношений осуществляется при помощи специфического правового метода — угрозы применения государственного принуждения за неисполнение требований» [26, с. 15–16]. Суждение в принципе верное, но сами способы реализации регулятивной функции разнообразнее и не сводятся только к запрету с угрозой применения мер уголовно-правового воздействия. Ряд уголовно-правовых норм предписывает совершить то или иное действие, а поощрительные нормы не содержат угрозы, наоборот, они предполагают освобождение от дополнительной обязанности, возникшей из факта совершения преступления.

Идеальным результатом действия регулятивной функции уголовной ответственности вы-

ступает поддержание динамичного и упорядоченного состояния общественных отношений, в регулировании которых участвует уголовная ответственность.

«Посредством установления уголовно-правовых запретов на совершение наиболее общественно опасных деяний, а соответственно, и определения их уголовной наказуемости оно (уголовное право. — Д. Л., К. Е.) не только фиксирует границы дозволенного (т.е. регулирует), но и тем самым выполняет функцию предупреждения как в отношении законопослушных (общая превенция), так и в отношении тех, кто однажды уже переступил черту уголовного закона (специальная превенция), т.е. выполняет предупредительную функцию» [16, с. 27].

Резюмируя вышесказанное, авторы считают возможным сделать следующие выводы:

1. Регулятивная функция уголовной ответственности распространяет свое действие на две категории субъектов — субъектов уголовной ответственности и правоприменителя. Соответственно, и само воздействие носит неоднородный характер. Так, она закрепляет обязанности граждан соблюдать предписания норм уголовного права, а также права и обязанности уполномоченных органов по обеспечению уголовно-правомерного поведения и содействию такому поведению. В случае совершения преступления регулятивная функция воздействует на уполномоченные органы посредством формулирования их прав и обязанностей по применению мер уголовно-правового воздействия, а также на самого правонарушителя, стимулируя и регулируя его позитивное посткриминальное поведение.

2. При помощи уголовной ответственности не устанавливаются отношения конституционного строя, собственности и т.д., но уголовная ответственность развивает динамику указанных отношений, способствует их нормальному функционированию, в чем находит свое проявление регулятивно-динамическое воздействие. Регулятивно-статическое воздействие уголовной ответственности выражается в закреплении уголовно-правового статуса субъектов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Браинин Я.М. Уголовный закон и его применение / Я.М. Браинин. — М. : Юрид. лит., 1967. — 240 с.
2. Курс советского уголовного права : в 6 т. / под ред. А.И. Пионтковского. — М. : Наука, 1970. — Т. 1. — 311 с.
3. Мотовиловкер Е.Я. Теория регулятивного и охранительного права / Е.Я. Мотовиловкер. — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. — 136 с.
4. Незнамова З.А. Коллизии в уголовном праве / З.А. Незнамова. — Екатеринбург, 1994. — 284 с.
5. Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву / Б.С. Никифоров. — М. : Госюриздат, 1960. — 229 с.

6. Смирнов В.Г. Правоотношения в уголовном праве / В.Г. Смирнов // Правоведение. — 1961. — № 13. — С. 86–98.
7. Безверхов А.Г. К вопросу о понятии системы права и законодательства / А.Г. Безверхов // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. Сер. «Юриспруденция». — 2001. — Вып. 14. — С. 3–14.
8. Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования / В.М. Горшенев. — М. : Юрид. лит., 1972. — 258 с.
9. Кожевников О.А. Принципы формирования системы российского права / О.А. Кожевников // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. Сер. «Юриспруденция». — 2002. — Вып. 20. — С. 64–67.
10. Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву. Теоретические проблемы / О.Э. Лейст. — М. : Изд-во МГУ, 1981. — 240 с.
11. Прохоров В.С. Преступление и ответственность / В.С. Прохоров. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1984. — 136 с.
12. Барков А.В. К вопросу о сущности уголовных правоотношений / А.В. Барков // Проблемы уголовного права : сб. ст. / под ред. И.С. Тишкевича. — Минск : Изд-во БГУ, 1976. — С. 3–17.
13. Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты / Г.П. Новоселов. — М. : Норма, 2001. — 208 с.
14. Петрова Г.О. Норма и правоотношение — средства уголовно-правового регулирования / Г.О. Петрова. — Н. Новгород : Изд-во Нижегород. ун-та, 1999. — 192 с.
15. Елеонский В.А. Уголовное наказание и воспитание позитивной ответственности личности : учеб. пособие / В.А. Елеонский. — Рязань, 1985. — 83 с.
16. Звечаровский И.Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика / И.Э. Звечаровский. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. — 97 с.
17. Наумов А.В. Юридическая природа воспитательной функции советского уголовного права / А.В. Наумов // Труды Высшей следственной школы МВД СССР. — 1973. — Вып. 8. — С. 15–25.
18. Похмелкин В.В. Социальная справедливость и уголовная ответственность / В.В. Похмелкин. — Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1990. — 177 с.
19. Прохоров В.С. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность / В.С. Прохоров, Н.М. Кропачев, А.Н. Тарбагаев. — Красноярск : Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1989. — 208 с.
20. Ретюнских И.С. Уголовно-правовые отношения и их реализация : учеб. пособие / И.С. Ретюнских. — Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1997. — 154 с.
21. Витрук Н.В. Правовой статус личности в СССР / Н.В. Витрук. — М. : Юрид. лит., 1985. — 175 с.
22. Кропачев Н.М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система / Н.М. Кропачев. — СПб. : Изд-во СПГУ, 1999. — 262 с.
23. Воеводин Л.Д. Индивидуальное и коллективное в конституционном статусе личности / Л.Д. Воеводин // Вестник Московского университета. Сер. «Право». — 1997. — № 5. — С. 3–20.
24. Зражевская Т.Д. Конституционные основы уголовной ответственности / Т.Д. Зражевская // Уголовная ответственность: проблемы содержания, установления, реализации : межвуз. сб. науч. тр. — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. — С. 28–33.
25. Хижняк В.С. Конституционные основы запрета на распространение идей фашистских и иных экстремистских организаций в РФ / В.С. Хижняк // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. Сер. «Юриспруденция». — 1999. — Вып. 5. — С. 110–115.
26. Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм (по материалам следственной и прокурорско-судебной практики) : учеб. пособие / А.В. Наумов. — Волгоград : Изд-во ВСШ МВД СССР, 1973. — 175 с.
27. Приходько И.М. Ограничения в российском праве (проблемы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / И.М. Приходько. — Саратов, 2002. — 26 с.
28. Матузов Н.И. О сущности, содержании и структуре юридической обязанности / Н.И. Матузов, Б.М. Семенко // Вопросы теории государства и права. Актуальные проблемы теории социалистического государства и права : межвуз. науч. сб. / отв. ред. М.И. Байтин. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1983. — С. 58–72.
29. Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм / Т.В. Кленова. — Самара : Изд-во Сам. ун-та, 2001. — 240 с.
30. Ромашов Р.А. Закон, правило, норма, долженствование / Р.А. Ромашов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2001. — № 6 (239). — С. 13–19.
31. Якушин В.А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве / В.А. Якушин. — Тольятти, 1998. — 296 с.
32. Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия / В.М. Коган. — М. : Наука, 1983. — 182 с.
33. Уголовная ответственность и ее реализация в деятельности органов внутренних дел : учеб. пособие / под ред. Н.И. Загородникова. — М. : МВШМ МВД СССР, 1987. — 100 с.
34. Убеждение и принуждение в борьбе с преступностью / отв. ред. У.С. Джекебаев. — Алма-Ата : Наука КазССР, 1989. — 175 с.
35. Мальцев В.В. Социальная ответственность личности, уголовное право и уголовная ответственность / В.В. Мальцев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2000. — № 6 (233). — С. 152–169.
36. Сахаров А.Б. Методы уголовно-правового регулирования общественных отношений / А.Б. Сахаров // Методологические проблемы уголовно-правового регулирования общественных отношений : сб. науч. ст. — М. : Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1989. — С. 29–37.
37. Яценко Б.В. Противоречия уголовно-правового регулирования / Б.В. Яценко. — М. : Моск. юрид. ин-т, 1996. — 226 с.
38. Григорьев Н.В. Освобождение от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК / Н.В. Григорьев, Р.А. Сабитов. — Хабаровск : Хабар. высш. шк. МВД РФ, 1993. — 65 с.

39. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве / А.В. Малько // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 1998. — № 3 (222). — С. 134–147.

40. Малько А.В. Поощрение как правовое средство / А.В. Малько // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 1996. — № 3 (214). — С. 26–36.

REFERENCES

1. Brainin Ya.M. *Ugolovnyi zakon i ego primeneniye* [Criminal Law and its Enforcement]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1967. 240 p.
2. Piontkovsky A.I. (ed.). *Kurs sovetskogo ugovnogo prava* [A Course of Soviet Criminal Law]. Moscow, Nauka Publ., 1970. Vol. 1. 311 p.
3. Motovilovker E.Ya. *Teoriya regulativnogo i okhranitel'nogo prava* [A Theory of Regulative and Protective Law]. Voronezh University Publ., 1990. 136 p.
4. Neznamova Z.A. *Kollizii v ugovnom prave* [Collisions in Criminal Law]. Ekaterinburg, 1994. 284 p.
5. Nikiforov B.S. *Ob'ekt prestupleniya po sovetskomu ugovnomu pravu* [The Object of Crime in Soviet Criminal Law]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1960. 229 p.
6. Smirnov V.G. Legal Relationships in Criminal Law. *Pravovedenie = Legal Studies*, 1961, no. 13, pp. 86–98. (In Russian).
7. Bezverhov A.G. To the concept of the system of law and legislation. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatisheva. Seriya «Yurisprudentsiya» = Bulletin of V.N. Tatishev Volga University. Series Jurisprudence*: 2001, vol. 14, pp. 7, pp. 3–14. (In Russian).
8. Gorshenev V.M. *Sposoby i organizatsionnye formy pravovogo regulirovaniya* [Ways and Organizational Forms of Legal Regulation]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1972. 258 p.
9. Kozhevnikov O.A. Principles of establishing the Russian law system. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatisheva. Seriya «Yurisprudentsiya» = Bulletin of V.N. Tatishev Volga University. Series Jurisprudence*: 2002, vol. 20, pp. 64–67. (In Russian).
10. Leist O.E. *Sanktsii i otvetstvennost po sovetskomu pravu. Teoreticheskie problemy* [Sanctions and Liability in Soviet Law. Theoretical Problems]. Moscow State University Publ., 1981. 240 p.
11. Prokhorov V.S. *Prestuplenie i otvetstvennost* [Crime and Liability]. Leningrad State University Publ., 1984. 136 p.
12. Barkov A.V. To the essence of criminal law relations. In Tishkevich I.S. (ed.). *Problemy ugovnogo prava* [Problems of Criminal Law]. Minsk, Belarusian State University Publ., 1976, pp. 3–17.
13. Novoselov G.P. *Uchenie ob ob'ekte prestupleniya. Metodologicheskie aspekty* [Theory of the Object of Crime. Methodological Aspects]. Moscow, Norma Publ., 2001. 208 p.
14. Petrova G.O. *Norma i pravootnosheniye — sredstva ugovno-pravovogo regulirovaniya* [The Norm and Legal Relationships — Means of Criminal Law Regulation]. Nizhny Novgorod University Publ., 1999. 192 p.
15. Eleonskii V.A. *Ugovnoe nakazanie i vospitanie pozitivnoy otvetstvennosti lichnosti* [Criminal Punishment and Upbringing of a Positive Responsible Person]. Ryazan, 1979. 83 p.
16. Zvecharovskii I.E. *Sovremennoe ugovnoe pravo Rossii: ponyatie, printsipy, politika* [Contemporary Criminal Law in Russia: Concept, Principles, Policy]. Saint Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2001. 97 p.
17. Naumov A.V. Legal nature of the educational function of Soviet criminal law. *Trudy Vysshei sledstvennoi shkoly MVD SSSR = Works of the Highest Investigatory School of the Ministry of the Interior of the USSR*, 1973, vol. 8, pp. 15–25. (In Russian).
18. Pokhmelkin V.V. *Sotsial'naya spravedlivost' i ugovnaya otvetstvennost'* [Social Justice and Criminal Liability]. Krasnoyarsk State University Publ., 1990. 177 p.
19. Prokhorov V.S., Kropachev N.M., Tarbagaev A.N. *Mekhanizm ugovno-pravovogo regulirovaniya: norma, pravootnosheniye, otvetstvennost'* [The Mechanism of Criminal Law Regulation: Norm, Legal Relationship, Liability]. Krasnoyarsk State University Publ., 1989. 208 p.
20. Retyunskikh I.S. *Ugovno-pravovye otnosheniya i ikh realizatsiya* [Criminal Law Relationships and their Enforcement]. Voronezh State University Publ., 1997. 154 p.
21. Vitruk N.V. *Pravovoi status lichnosti v SSSR* [The Norm and Legal Relationships — Means of Criminal Law Regulation]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1985. 175 p.
22. Kropachev N.M. *Ugovno-pravovoe regulirovanie. Mekhanizm i sistema* [Criminal Law Regulation. The Mechanism and the System]. Saint Petersburg State University Publ., 1999. 262 p.
23. Voevodin L.D. The individual and the collective in the constitutional status of a person. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya «Pravo» = Bulletin of Moscow State University. Series Law*: 1997, vol. 5, pp. 3–20. (In Russian).
24. Zrazhevskaya T.D. The constitutional basis of criminal liability. *Ugovnaya otvetstvennost: problemy soderzhaniya, ustanovleniya, realizatsii* [Criminal Liability: Problems of Content, Determination, Enforcement]. Voronezh State University Publ., 1989, pp. 28–33.
25. Khizhnyak V.S. The constitutional basis of the prohibition to propagate the ideas of fascist and other extremist organizations in the RF. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatisheva. Seriya «Yurisprudentsiya» = Bulletin of V.N. Tatishev Volga University. Series Jurisprudence*: 1999, vol. 5, pp. 110–115. (In Russian).
26. Naumov A.V. *Primeneniye ugovno-pravovykh norm (po materialam sledstvennoi i prokurorsko-sudebnoi praktiki)*. [Enforcement of Criminal Law Norms (on the Materials of Investigation and Prosecutor-Court Practice)]. Volgograd, Highest Investigatory School of the Ministry of the Interior of the USSR Publ., 1973. 175 p.
27. Prihod'ko I.M. *Ogranicheniya v rossiiskom prave (problemy teorii i praktiki)* Avtoref. Kand. Diss. [Limitations in Russian law (problems of theory and practice). Cand. Diss. Thesis]. Saratov, 2002. 26 p.
28. Matuzov N.I., Semenok B.M. On the essence, content and structure of legal responsibility. In Baitin M.I. (ed.). *Voprosy teorii gosudarstva i prava. Aktual'nye problemy teorii socialisticheskogo gosudarstva i prava* [Issues of the Theory of State and Law. Topical Issues of the Theory of Social State and Law]. Saratov State University Publ., 1983, pp. 58–72. (In Russian).

29. Klenova T.V. *Osnovy teorii kodifikatsii ugovolno-pravovykh norm* [Basics of the Theory of Codifying Criminal Law Norms]. Samara State University Publ., 2001. 240 p.
30. Romashov R.A. Law, Rule, Norm, Obligation. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Bulletin of Higher Educational Institutions. Jurisprudence*, 2001, no. 6 (239), pp. 13–19. (In Russian).
31. Yakushin V.A. *Sub'ektivnoe vmenenie i ego znachenie v ugovolnom prave* [Subjective Imputation and its Meaning in the Criminal Law]. Togliatti, 1998. 296 p.
32. Kogan V.M. *Sotsial'nyi mekhanizm ugovolno-pravovogo vozdeistviya* [The Social Mechanism of Criminal Law Impact]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 182 p.
33. Zagorodnikov N.I. (ed.). *Ugolovnaya otvetstvennost' i ee realizatsiya v deyatelnosti organov vnutrennikh del* [Criminal Liability and its Enforcement in the Work of Internal Affairs' Bodies]. Moscow, MVSH MVD USSR Publ., 1987. 100 p.
34. Dzehebaev U.S. (ed.). *Ubezhdienie i prinuzhdenie v bor'be s prestupnostyu* [Persuasion and Compulsion in Fighting Crime]. Alma-Ata, Science of KazSSR Publ., 1989. 175 p.
35. Maltsev V.V. Social Liability of a Person, Criminal Law and Criminal Responsibility. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Bulletin of Higher Educational Institutions. Jurisprudence*, 2000, no. 6 (233), pp. 152–169. (In Russian).
36. Sakharov A.B. Methods of criminal law regulation of public relations. *Metodologicheskie problemy ugovolno-pravovogo regulirovaniya obshchestvennykh otnoshenii* [Methodological Problems of Criminal Law Regulation of Public Relations]. Moscow, All-Russian Research Institute of the Ministry of the Interior of the USSR Publ., 1989, pp. 29–37. (In Russian).
37. Yatselenko B.V. *Protivorechiya ugovolno-pravovogo regulirovaniya* [Contradictions of Criminal Law Regulation]. Moscow Law Institute Publ., 1996. 226 p.
38. Grigoryev N.V., Sabitov R.A. *Osvobozhdenie ot ugovolnoi otvetstvennosti po normam Osobenoj chasti UK* [Exemption from Criminal Liability according to the Norms of the Special Part of the Criminal Code]. Khabarovsk Higher School of MVD RF Publ., 1993. 65 p.
39. Malko A.V. Incentives and Restrictions in Law. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Bulletin of Higher Educational Institutions. Jurisprudence*, 1998, no. 3 (222), pp. 134–147. (In Russian).
40. Malko A.V. Encouragement as a Legal Means. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Bulletin of Higher Educational Institutions. Jurisprudence*, 1996, no. 3 (214), pp. 26–36. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Липинский Дмитрий Анатольевич — профессор кафедры конституционного и административного права Тольяттинского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, г. Тольятти, Российская Федерация; e-mail: Dmitri8@yandex.ru.

Евдокимов Константин Николаевич — доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: kons-evdokimov@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Липинский Д.А. Регулятивная функция уголовной ответственности: понятие, структура и взаимосвязь с предупреждением преступности / Д.А. Липинский, К.Н. Евдокимов // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — Т. 11, № 3. — С. 520–530. — DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(3).520-530.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Lipinsky, Dmitry A. — Professor, Chair of Constitutional and Administrative Law, Togliatti State University, Doctor of Law, Professor, Togliatti, the Russian Federation; e-mail: Dmitri8@yandex.ru.

Evdokimov, Konstantin N. — Ass. Professor, Chair of State and Law Disciplines, Irkutsk Law Institute (Branch) of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: kons-evdokimov@yandex.ru.

FOR CITATION

Lipinsky D.A., Evdokimov K.N. The regulatory function of criminal liability: its concept, structure and interrelation with crime prevention. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2017, vol. 11, no. 3, pp. 520–530. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(3).520-530. (In Russian).